

твенных черных костюмах. Цветы. Фини-та ля комедия.

Волнующий, откровенно-пронзительный, спектакль снова и снова напоминает нам, что любовь — не война, не борьба за лидерство в отношениях, любовь — это... Каждому из зрителей, испытавших массу противоречивых чувств, предстоит еще раз ответить на этот вечный и вроде бы несложный вопрос.

Спектакль поставлен на малой сцене. В ее небольшом пространстве художнику и режиссеру удалось достоверно и полно показать и морской берег, и реалии городской жизни с ее бешеным ритмом, и внутреннюю атмосферу помещений (больница, тюрьма, квартира). Функциональные декорации позволяют трансформировать пространство в зависимости от событий легко и быстро. Персонажи, меняющие декорации, — группа молодых актеров, роль которых — современное общество. Сюжет, прописанный драматургом, кинематографичен, поэтому удачная логическая связка между событиями-кадрами, продуманная ре-

жиссером, — это «говорящие», «реагирующие на происходящее» (своеобразный общественный резонанс) пластические номера.

Музыкальный фон спектакля, в отличие от оригинала пьесы, — известные «Besame Mucho» и «Jamaica», настраивающие на волну возвышенной романтики, глубокой страсти, высокой трагедии...

Малая сцена «Сфера» златоустовского театра заполнена до последнего места на спектакле «Любовь до...». Зритель в ожидании необыкновенной истории любви. Это так необходимо сегодня: миг волнующего предчувствия, обжигающего страдания, духовного очищения.

Остается добавить, что над сценографией работал заслуженный работник культуры РФ, заслуженный деятель искусств РБ **Виктор Хлыбов** (Уфа). Костюмы к спектаклю продумала **Лилия Файзулина**, пластические номера — **Виктория Пестова**.

Юлия СВЕТЛОВА

Фото Владимира НАКОРЯКОВА

КЕМЕРОВО. Зимний вечер в итальянской кофейне

Сиреневые сумерки с морозной сибирской проседью сопровождали меня на спектакль **Кемеровской драмы «Кофейная»**, поставленный жгучей итальянской красавицей **Алессандрой Джуинтини** по пьесе итальянского комедиографа XVIII века **Карло Гольдони**. В пространство и атмосферу «кофейного балагана» (жанровое определение спектакля) я, как и остальные зрители, попала еще в фойе театра, где лукавые и развеселые персонажи с печатью масок дель арте предлагали кофе, ненавязчивое общение и песни, звучащие

под гитару на чудесном итальянском языке. Как я поняла потом, пространством спектакля (художник **София Матвеева**) становится практически весь театр. Но поначалу, когда сразу, с мороза, встречаешь располагающую к добросердечию атмосферу тепла и раскованности, это производит волшебное впечатление, а живая роскошь театра преобразается в «роскошь человеческого общения», которую Экзюпери заповедал нам как главную роскошь мира.

«Кофейновый балаган» непринужденно скользит между комедией масок и ко-

Траппола 2 – А. Остапенко, Ридольфо – Ю. Темирбаев, Траппола 1 – И. Сорвилов

медией нравов: тонкое понимание поэтики Карло Гольдони (с учетом дня сегодняшнего) отличает постановочную группу и всех исполнителей спектакля. Главное действующее лицо комедии «Кофейная» — это некий праздник, если праздником можно назвать повседневность, превращенную в кутерьму карнавального балагана. Яркая сочность мачосного театра растворяется в простоте и естественности действия, при непосредственном участии Автора в очаровательном воплощении молодой актрисы **Екатерины Грибановой**, которая в первой же сцене приобщает зрителя к происходящему и заявляет, что Карло Гольдони будет представлять она.

Сценическое пространство отдано центральному месту действия — кофейной, образ которой выразительно явлен пересечениями горизонтальных и вертикальных линий: столиков и возвышающихся всевозможных стержней и па-

лочек с нанизанными на них кофейными чашками — тоже весьма разнокалиберными. Это место, где пересекаются горожане, путешественники, посетители игорной и парикмахерской, разворачиваются личные и семейные конфликты, где на всеобщее обозрение выставляются слабости и пороки, где распускают сплетни, обманывают, плачут и смеются, проигрываются в пух и прах, — в полном, казалось бы, соответствии с ярмарочно-балаганной стилистикой. Не имеющей, однако, нарочито-грубых форм. Спектакль обладает той мягкостью, которую невозможно пересказать, но нельзя не почувствовать. Эта мягкость — во всей атмосфере, в доминирующей цветовой гамме спектакля кофейно-молочных тонов с необходимыми яркими акцентами, в исполнительском мастерстве актерского состава.

События совершаются под знаком повседневности. Собственно, историй и сю-

Евгений – Т. Шилов

жетных линий несколько, но в спектакле центральной становится безудержная страсть к игре молодого венецианского купца Евгенио (**Тимофей Шилов**) и борьба вокруг него противостоящих сил. Ридольфо, содержатель кофейной (**Юрий Темирбаев**), из природного чувства доброты и признательности своему бывшему хозяину, коим был отец Евгенио, с неистощимым терпением пытается наставить на путь истинный безалаберного игрока, повесу и мота. Ему упорно, хоть и бестолково помогает вечно плачущая и растерянная Виттория, жена Евгенио (**Наталья Амзинская**), покинутая мужем и красноречиво оставшаяся «об одной туфле». Странствует в поисках сбежавшего мужа и Пилигримка Плачида (**Анастасия Остапенко**), красуется на балкончике танцовщица Лизаура (**Дарья Мартышина**) – в ожидании претендента на свою руку – все того же мужа Плачиды, новоявленного графа

Леандро. Таковы, что называется, силы добра. По ту сторону конфликта консолидируются злые и, надо сказать, чрезвычайно колоритные силы: сбежавший от жены Фламинио – авантюрист и мнимый граф, «по совместительству» мелкий шулер (**Михаил Быков**), циничный содержатель игорного дома Пандольфо (**Александр Измайлов**), дворянин дон Марцио (**Иван Крылов**), под маской аристократизма которого явственно вырисовываются хамство, злословие и страсть к клевете. Каждой из противодействующих сторон вторит мужской и женский «хор», и каждая из противодействующих сторон интересна по-своему. Александр Измайлов воплощает образ такого игрока-хищника, подчеркивая вполне узнаваемую сегодня открытую алчность, устремленную к личному обогащению за счет ближнего своего. Иван Крылов представляет дона Марцио настоящим поэтом вранья и злосло-

Виттория – Н. Амзинская, Евгенио – Т. Шилов

Виттория – Н. Амзинская, Дон Марцио – И. Крылов

Пандольфо – А. Измайлов, Евгенио – Т. Шиллов, актеры мужского и женского хора

вия; артист с непревзойденным комизмом показывает, как человек заполняет собственную оглушительную пустоту клеветой на всех и вся, без всяких к тому причин, на ходу сочиняя целые биографии, а образ «потаенной задней двери», ведущей к квартире танцовщицы Лизауры, становится лейтмотивом этого сочинительства, всякий раз вызывающего в зале взрывы хохота.

Ридольфо так положителен, добр и терпелив, что только блеск актерского мастерства Юрия Темирбаева способствует созданию живого образа. Образа хорошего человека, единственного в этом балагане жизни, кто занимается созиданием среди самых настоящих руин. Его фигура в светлых одеждах, разрисованных чашками кофе, появляется в нужный момент – не только предложить горячего, бодрящего кофе, но и соединить супружеские пары, помешать доносам и клевете, отвратить от

игры беспутного Евгенио. Этому Евгенио, чье простодушие подкупает, а вероломство вызывает негодование, Ридольфо столько раз помогает избавиться от долгов, спасает от пагубной страсти к игре, что невольно задаешься вопросом, в человеческих ли это силах – спасти игрока и маньяка. Неуловимым образом, легко и естественно Юрий Темирбаев убеждает нас в том, что вполне возможно. Думаю, печальная актуальность проблемы и привлекла режиссера к этому комедийному материалу, ставшему источником серьезного театрального высказывания о беспределности терпения и доброты – ключей, открывающих все двери.

Пожалуй, история итальянского театра не знает более звучного имени, чем Карло Гольдони. Однако его «Кофейная», написанная в 1750 году, не может похвастаться богатством сценической биографии, и Александр Николаевич

Карло Гольдони – Е. Грибанова

Островский перевел ее с просветительскими целями, совсем не надеясь на постановку пьесы в России: уж очень велик был груз назидательности и многословия в тексте. На что у драматурга было безусловное право, да и весь его жизненный опыт требовал выражения в творчестве: скромный «венецианский адвокат», как называл себя Гольдони, к тому времени не понаслышке узнал изнанку жизни, пройдя по всем итальянским городам и весям. В спектакле Алесандры Джуинтини не осталось и следа от тяжеловесного многословия, зато бережно сохранен неповторимый флер творчества Карло Гольдони: и знание теневых сторон жизни, и привет от комедии дель арте с ее импровизацией и масками, а также последующим преобразованием в комедию нравов. Харизматичный актерский ансамбль виртуозно подает сложное содержание в легкой и современной упаковке. Вместе с пением итальянских песен и лучами далекого итальянского солнца.

Даты рождения и смерти Карло Гольдони, между тем, приходится на февраль...

Галина ГАНЕЕВА

Фото из архива театра

КРАСНОДАР. Старомодное танго

Пьеса Валентины Аслановой «Дамское танго» в Краснодарском театре драмы идет под названием «Танго втроем». Режиссер-постановщик Елена Журавлева выбирала материал специально под заслуженную артистку России Веру Великанову. Замечательная актриса три десятилетия служит в театре, и все эти годы является его примой, славой и любимицей публики. Так получилось, что сегодня у Великановой практически нет ролей, и она, по большому счету, не удел. Журавлева как истинный профессионал сра-

зу оценила масштаб актрисы и, движимая творческим «эгоизмом», конечно же, не могла пройти мимо яркой фактуры.

Пьеса Аслановой о танцовщице Мадлен, ушедшей на покой и живущей размеренной, тихой жизнью. Лишь незлобивые перепалки с родственницей-компаньонкой Симоной да общение с профессором Сорбонны Жаном и есть основные события календаря ее, так сказать, жизни после славы. И, конечно же, «танцовщица в отставке» живет своими воспоминаниями о прошлой карьере, мужьях, мужчинах. Од-